

Истины и надежды

Рецензия на книгу К.Г. Фролова «Горизонты возможного»

Текст Евгения Логинова

Иллюстрация Лейлы Березовской

Константин Фролов написал настоящую книгу по метафизике, а они в наших краях дело редкое. Кому можно посоветовать эту книгу, кроме специалистов по метафизическим проблемам, которые и без моей рецензии не пропустят работу Фролова? Полагаю, что ее аудитория — это студенты философских факультетов 3–4 курсов. Это то время, когда студент-философ уже кое-что знает о нашей дисциплине, но начинает в ней разочаровываться, подавленный вековой неразрешимостью философских проблем. И тут книга Фролова придется кстати.

Константин много знает о метафизике, увлечен этой дисциплиной, верит в ее потенциал и осознает, как много предстоит еще сделать на этом поле (с. 45). При этом он считает, что «теоретическая метафизика» (а бывает практическая?) дело бесполезное (с. 7). Но все же это не останавливает Константина от занятий метафизическими проблемами. Он полагает, на мой взгляд, справедливо, что наша культура без метафизики оскудела бы. Он, правда, считает, что именно метафизика

позволяет нам преодолевать собственное животное начало. Мне же кажется, что даже если такое начало и надо преодолевать, то помогает в этом не только метафизика, но и другие науки, искусства и ремесла. Еще одной причиной для занятия метафизикой автор видит неизбежность метафизического вопрошания для познающего разума: ученый, обращаясь к проблемам вроде происхождения мира или оснований математики, с необходимостью делается метафизиком. И потому хорошо бы, чтобы были люди, специальным предметом заботы которых являются метафизические темы. С этим основанием я согласен.

Самое время сказать, что же Фролов понимает под метафизикой. Он пишет, что «...метафизика есть искусство сочетания слов из некоторого словаря в предположительно осмысленные выражения и их последовательности, то есть такие, для которых можно сформулировать некоторые условия истинности» (с. 13). Я бы сказал, что это скорее наука, область знаний, чем искусство, но во многом это спор о распределении бюджетов. Куда интереснее, что метафизику Фролов понимает как семантический анализ метафизических терминов. Этот анализ следует строго

---

1. Фролов К.Г. Горизонты возможного: Очерки аналитической метафизики. СПб.: «Геликон Пресс», 2018.

отличать от лингвистического исследования: речь идет не просто о том или ином языке (русском, английском, японском, клингоном...), но о прояснении понятий. Как их прояснять? «По последствиям» (с. 16). Как это следует понимать? Читатель мог бы предположить, что речь идет о чем-то прагматическом: последствия же! Но нет. Имеется в виду инференциализм. Мы берем какое-то метафизическое суждение (то есть суждение, в котором встречаются метафизические термины) и смотрим: если оно было бы истинным, то что это значит для истинности других метафизических суждений? Так, например, считает Фролов, если «действительность полностью исчерпывается всем существующим», то «существование не является свойством» (с. 31). Константин поясняет это примером: Дед Мороз, например, не существует, в отличие от моего стола. Чем обоснована условная связь суждений про существование и свойство? Тем, что свойство есть «то общее, что могут иметь между собой разные сущности» (с. 23), и «если у всего существующего нет ничего общего», то «существование не является свойством» (с. 30), ведь тогда у всего существующего нет ничего общего, и Дед Мороз относится к области действительного. То есть мы видим, как, заняв позицию по одному метафизическому вопросу, мы «в нагрузку» получаем решение и некоторых других проблем. А метафизика как раз и должна эти связи между метафизическими суждениями, подчас неочевидные, показывать.

Сам прием — объяснять природу метафизики, показывая на примере, как она работает, — действенный и заслуживает одобрения (хотя он и не оригинален, см., например [Carroll, Markosian 2011, 1–19]). И в целом я согласен с таким пониманием метафизики: разве что я не считаю, что мы должны ограничиваться лишь условиями истинности, отказывая себе в удовольствии отличать истинные суждения от ложных. То есть я считаю, что последствиями суждений бывают не только суждения, но и действия. Если некто верит, что суждение «причинность не существует» — истинно, то пускай не предполагает связи между своей головной болью и вчерашней пьянкой. Впрочем, наше расхождение, вероятно, словесное, ведь Константин тоже

призывает полагаться на здравый смысл, не покидать без нужды реалистическую установку (с. 29; правда, далее оказывается, что эта установка вовсе не всюду работает — см. ниже) и не ограничиваться лингвистикой (с. 43). На самом деле, иногда он доказывает право некоторых понятий на существование, ссылаясь на их практическую плодотворность (с. 46), и даже упоминает «внешний мир» (с. 122), хотя в других случаях и утверждает, что концептуальные вопросы от него, внешнего мира, не зависят (с. 15, 187). В отношении наших с Фроловым взглядов на метафизику меня волнует такой вопрос: если метафизика есть то, что занимается метафизическими словами (как говорит Константин) или проблемами (как говорю я), то нет ли тут круга в определении? Кто составляет список метафизических слов и проблем? Что есть общего у этих слов, кроме того, что они изучаются метафизикой? Ясно, что речь не идет об истории понятий, идей или систем мысли, не о биологических корнях метафизики (о них Фролов рассуждает — с. 194–197), а о дедукции категорий. Мне было бы интересно узнать, как Константин отвечает на этот вопрос.

От метафилософии Фролова перейдем к конкретным метафизическим сюжетам, которые он обсуждает. Тут нужно отметить одно свойство книги, которое может испортить читателю настроение: автор постоянно уходит в сторону, обсуждая в каждом параграфе сюжеты, маргинальные для его основной темы. Он и сам это признает: «потеряться» легко отнюдь не только читателю, но и самому автору, которого в любой момент запросто может понести куда-то “не туда” (с. 8). Особенно пострадали от «потерянности» автора главы про истину и математику. Я согласен, что при обдумывании метафизических загадок сложно удержаться на чем-то одном, но на письме стоило бы сохранять концентрацию. Впрочем, структура у книги все же есть. После обсуждения существования, автор берет за природу возможности, показывая затем, как последняя связана с детерминизмом, физикализмом и временем. Исследование последних сюжетов носит критический характер, а свою позитивную программу Фролов разворачивает в главах про пропозиции, исти-

ну, математику и тождество.

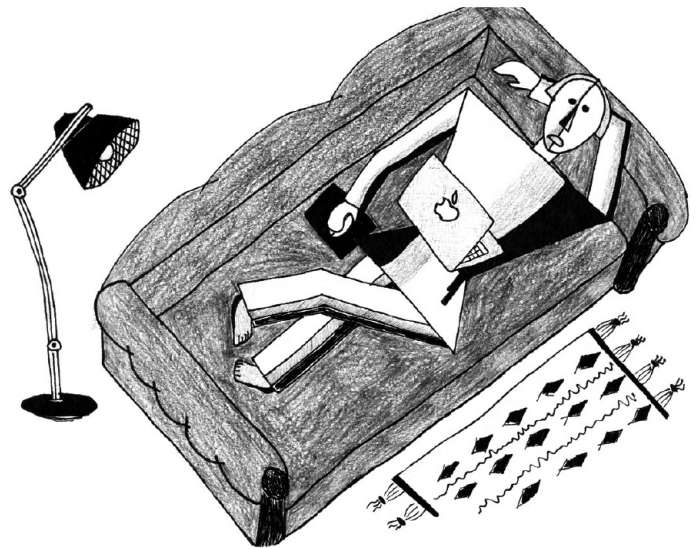
Анализ возможности довольно стандартен: X является физически возможным, если существование X не противоречит существующим законам природы; X является метафизически возможным, если существование X не противоречит законам логики.

Далее Фролов переходит к рассмотрению детерминизма и заявляет, что «если <демон Лапласа> метафизически возможен, значит мир детерминирован. Если же он невозможен ни при каких сценариях, совместимых с фундаментальными законами природы в нашем мире, то мир не детерминирован» (с. 52). Однако метафизическая возможность существования такого демона никак не определяет, каков наш мир в действительности, что следует из собственных определений Фролова. Например, мир может быть индетерминистическим по факту, но если бы в нем были иные законы, то демон был бы возможен. Причем тут совместимость с физическими законами, если речь идет о метафизической возможности, неясно. Странно доказывается и невозможность демона: ссылкой на «затруднения логического порядка», которые возникают при допущении существования двух демонов (с. 53). Суть этих затруднений Константин не объясняет, ограничившись ссылкой на статью Д. Вулперта. И это — еще одна слабая сторона книги: часто нет ссылок там, где они должны быть, а когда их могло бы и не быть, они либо в избытке, либо разрывают рассуждение, как здесь. Впрочем, Фролов знает, что мало кто сегодня определяет детерминизм через демона. Можно понимать детерминизм контрфактически: если бы все события истории повторились бы, то они ничем не отличались бы от тех, что произошли фактически. Но тут — вдруг! — Константин сетует на «абстрактность и отвлеченность от практики подобного определения» (с. 53). Более того, он утверждает, что никакое «на самом деле» нам недоступно (с. 54)! А как же «здравый смысл» и «реалистическая установка», которые немного раньше как раз и защищали нас от того, что «остаются одни лишь субъективные точки зрения, вереницы слов без всякой метафизической опоры» (с. 30)? Далее Фролов определяет детерминизм через возможные миры, говоря,

что детерминисты должны утверждать, что в каждом возможном мире будет то же, что и в нашем. При этом различие двух видов возможности оказывается забыто. Не нравится Константину и понятие «состояние мира в момент t », которое якобы необходимо для определения детерминизма. Фролов приводит интересный довод: это понятие противоречит СТО, где одновременность релятивизирована относительно системы отсчета. Тут, мне кажется, все дело в том, что «состояние мира в момент t » в физике и метафизике просто по-разному понимаются; но если бы Константин развернул бы этот тезис, то это было бы интересно. Но СТО никак не мешает автору говорить, что детерминированность могла бы быть свойством «мира как целого» (с. 64). Но есть ли у мира такое свойство или нет — этот вопрос автор оставляет открытым. Тема получает свое развитие в главе, посвященной законам природы. В ней он пытается найти критерий отличия законов от «случайных обобщений» (с. 154) и выяснить, что же является первичным: законы или положения дел. Законы, считает Константин, — это отношения между свойствами индивидов, такие что они вынуждают индивидов вести себя определенным образом, в отличие от обобщений, которые такой силы не имеют. Так, все студенты МГУ есть в списках Учебного отдела МГУ, и если Иван — студент МГУ, то закон природы вынуждает его быть в списках Учебного отдела МГУ. А вот если сказать, что «Все студенты МГУ любят футбол», то это не означает, что Кристина, поступив в МГУ, оказывается вынуждена полюбить футбол (ответственность за неудачность примеров несущая лишь я). Но «вынуждение» в данном случае является олицетворением, и можно попытаться изгнать его из нашего языка. Фролов предлагает следующее: «у нас есть два варианта: либо удовлетвориться признанием существования физических, воплощенных предметов, а также законов, ими управляющих, либо расширить предметную область до множества всех возможных индивидов, находящихся во всех возможных обстоятельствах, и тогда законы природы окажутся производными, можно сказать, даже избыточными, по отношению к такой совокупности возможных положений дел»

(с. 157). Автор тратит на обсуждение этого решения всего несколько предложений, из которых я, увы, не понял, о чем идет речь. У меня есть гипотеза, что имеется в виду божественный ум: для него законы имеют произвольный характер, а творит он напрямую лишь положения дел. Если это так, то это суетный бог, который вместо того, чтобы дать сущему законы, мечется, творя всякое. Верна ли моя гипотеза, я не знаю. Хотя далее автор задается вопросом о том «как нечто отсутствующее (или чье-то отсутствие) может на что-то влиять в физическом мире?» (с. 160), так что в пользу моей гипотезы есть некоторые свидетельства... В целом, главы про детерминизм и законы природы могли бы быть и лучше: слишком много там появляется вдруг и уходит в никуда.

Похожее впечатление оставляет и чтение главы про физикализм. Как и детерминизм, это сегодня широко распространенная теория действительно заслуживает критического к себе отношения. Но доводы Фролова не убедительны. Прежде всего он толкует физикализм как интерсубъективизм, утверждение о том, что существуют только интерсубъективно наблюдаемые свойства. Между тем, многие физикалисты согласны, что, скажем, кварки непосредственно не наблюдаемы, как и черные дыры. Это референты наших лучших научных теорий. Фролов считает, что для доказательства своего тезиса физикалиста, как и детерминисты, должны перебрать все (!) копии нашего мира и показать, что они, копии, ничем от нашего отечества не отличаются. Это требование исходит, на мой взгляд, из очень странного понимания необходимости, необходимости полной математической индукции. Нужно ли для того, чтобы утверждать, что « $3+7=10$ » перебрать все тройки, семерки и десятки? Нужно ли перебрать все существующие объекты, чтобы утверждать о связи между пониманием существования и пониманием природы свойств? Мне кажется, что нет. Глава заканчивается таким рассуждением: «Скажу вам больше, я не хочу, чтобы мир был полностью познаваем (благо дело, у меня есть в пользу этого немало веских аргументов). Поэтому у меня нет никаких мотивов стремиться обосновать справедливость физикализма.

Я не физикалист. Я — платонист» (с. 82). В принципе, аргумент Константина можно понять так: вера в автономное существование вневременных абстракций противоречит утверждению о том, что все сущее является либо физическим, либо зависит от физического. Полагаю, что это верно, правда, веру в существование вневременного нужно фундировать чем-то, кроме «эстетического вкуса» (с.83).

Из главы про время про, собственно, время узнать можно немного. Зато автор тратит силы на обсуждение «тонкой грани между возможным, но никогда не случающимся, и невозможным» (с. 94), которая после прочтения не становится более понятной, чем была до, во всяком случае, для меня.

Следующая глава, посвященная понятию «пропозиция», — одна из самых удачных в книге. Теория, которая там защищается, по-моему, в хорошем смысле экстравагантна и напоминает о славных днях юности аналитической философии... Вообразите старый Кембридж, конец XIX века. Студент, изучающий классическую филологию, Билл Мур попадает в компанию

поклонников молодого профессора Мактаггарта, отстаивающего удивительный тезис: времени не существует. Мур пытается спорить с профессором, но быстро понимает, что не может противостоять его аргументам. Тогда юноша бросает филологию и берется за философию. Постепенно идеалистическое учение завладевает им, и вот он уже пытается быть святейшим папой римского: в 1899 году выходит статья «Природа суждения», в которой Мур обвиняет Брэдли, короля тогдашних идеалистов, в психологизме! Мур предлагает смелую теорию: истинное суждение «р» не отражает положение р, а буквально и есть р! Понятия не есть ментальные состояния, они есть элементы мира, заявляет он. Статья становится событием, вынуждая Брэдли чуть ли не извиняться, а молодого Рассела вооружает теорией, под флагом которой он отправляется в квест за принципами математики... Но уже в 1903 году, а может даже раньше, Мур отказывается от этой теории в пользу корреспондентской теории истины. Так рождается аналитическая философия. Но вернемся к книге Константина. Одной из проблем теории истины как тождества является существование ложных суждений, которые должны, если она правильна, не существовать. Фролов предлагает такое решение: пропозицию «следует понимать <...> как функцию, имеющую некоторую область определения (множество возможных миров) и область значений (множество истинностных значений)». Таким образом снимается проблема «несуществования ложных» (с. 105–106). Признаюсь, что я совершенно не понимаю этого решения. Константи идет дальше, стараясь предупредить критику своих идей: «Так даже проницательный Шерлок Холмс, являясь обитателем некоторого возможного мира, не склонен полагать себя чем-то абстрактным и нефизическим» (с. 111). И далее заявляет, что ощущение течения времени является иллюзией, причудой нашего восприятия (с. 112–113). То есть Фролов — антиреалист в отношении времени. На мой взгляд, теория тождества противоречит тезису Мактаггарта: суждения вроде «это длится слишком долго» должны быть тождественными с положением дел, и совершенно неважно, что о том думает физика, на которую ссылается Константин.

Возможно, читатель уже задался вопросом: а где сознание? Современная метафизика, да и любая серьезная метафизика вообще, с излета Античности не представима (в обычном, не техническом смысле этого слова) без обсуждения сознания. Фролов подает это блюдо в главе «Ощущения». Это странная часть книги. В ней неожиданно меняется тон повествования, появляется множество цитат. Могу предположить, что причиной этого является авторская неуверенность в себе. Прочитировав нескольких светил науки, говорящих, что проблема сознания-тела сложна, Константин пишет: «раз уж даже признанные корифеи спасовали в этом вопросе, то я и пытаюсь не буду его решить» (с. 169). Вместо этого он старается показать «генезис проблемы». На деле, он обсуждает не генезис, а именно саму проблему. Так, он отвергает теорию тождества ментального и физического (впрочем, не разобрав ее предварительно хоть сколько-то детально). Суть его критики в том, что ментальные образы, в отличие от мозга, не обладают протяжением. Это довольно старый аргумент, восходящий по меньшей мере к Риду. Фролов несколько модернизирует его, отсылая к проблеме перевода, говоря, что предложения типа «Иван думает о луке» нельзя перевести на язык научной психологии или нейронауки, потому что вообще ничего нормально перевести нельзя. Многие философы тут с Константином согласны, но приведенные в книге аргументы не кажутся мне убедительными. Даже если бы мы не могли установить тождество Утренней и Вечерней звезды (не могли бы перевести суждение «Утренняя звезда есть третий по яркости объект на нашем небе» как «Вечерняя звезда есть третий по яркости объект на нашем небе»), это не отменяло бы их тождества. Да и непереводимость можно понимать по-разному: например, можно считать, что ментальные идиомы суть старые научные теории и пришло время от них отказаться. Кроме критики, Фролов предлагает и свое решение. Вот оно: «Состояние не есть нечто отличное от того, чье именно это состояние. Водопад — это состояние падающей воды. <...> Где находится водопад? Там же, где и падающая вода. Аналогичным образом, чувственный опыт — это состояние

чувствующего организма» (с. 183–184). Это довольно почтенное решение, выходящее чуть ли не к Аристотелю: считать, что ментальное является действием или состоянием тела. Проблема этого решения в том, что мозг тоже находится в разных состояниях, например, у него могут быть возбуждены С-волокна. А если между этим возбуждением и, например, радостью есть отношение тождества, то теоретики тождества правы.

От тождества ментального и физического перейдем к обычному тождеству. Фролов обсуждает проблему корабля Тесея и сообщает, что в вопросах, касающихся этого несчастного судна, «сквозит какая-то неявно ощущаемая беспредметность» (с. 189). Вопрос о тождестве «не обладает никаким познавательным содержанием» (с. 190). Константин признает важность вопроса о тождестве для установления права собственности, но все же ничего нового о действительности мы не узнаем, ответив на него. Как же тогда понимать тождество? Как последствие перформативного акта. Важно верно это понять: вопрос о тождестве не сводится к конвенциям. Нельзя стать мужем и женой, просто произнося нужные слова. Нужно находиться в определенном состоянии, месте, времени, окружении и т.п. Так и тут.

Мне не кажется, что различие перформатива и конвенции такие уж и сильные. Константину не нравится «конвенция», потому что это слово кажется ему означющим нечто нереальное. Но чтобы заключить конвенцию, тоже нужно быть в праве это сделать. Так что я не вижу тут различия с перформативом. И все дело в том, на основании чего тот, кто может совершить перформатив отождествления, делает это. Ясно, что власть может заставить считать войну тождественной миру, а истину тождественной лжи. А может так не делать и попытаться руководствоваться разумными основаниями. Ведь речь не о том, нужно ли нам, чтобы корабль А был тождественен В, а лишь о том, что корабль А тождественен В, или нет. То есть речь о факте, а не о том, как мы его устанавливаем. Фролов сам пытается выяснить эти условия фактического тождества применительно к тождеству личности (с. 199–201), но не успевает, ибо книга заканчивается.

Подытожим. То, что я понял из этой книги, мне

нравится, но мало с чем я согласен. Многое осталось непонятно. Читать было интересно. Книга кажется полезной.

Библиография

1. Carroll, Markosian 2011 — Carroll J.W., Markosian N. An Introduction to Metaphysics (Cambridge Introductions to Philosophy). Cambridge University Press, 2011.